

Глава 16— Йоу, молодой человек вернулся? Куда это ты так поздно шлялся? — Вэнь Ли встретил Юй Цинцзе теплой улыбкой, но в глазах его таился вопрос. Маленький парнишка, стоявший за спиной, высунул голову, увидел Юй Цинцзе и мгновенно спрятался.— Привет! — Юй Цинцзе кивнул в ответ, замечая, что лица Чан Ле и остальных не излучают радости. — Здравствуйте, здравствуйте! Вэнь Ли дождался, пока Юй Цинцзе переступит порог, и, подойдя к нему, засыпал вопросами:— Откуда ты, молодой человек? Сколько тебе лет? Женат ли ты? Есть ли у тебя родственники? Зачем ты приехал в деревню Ниуту? И вообще... Маленькая девочка, сидевшая рядом, тоже украдкой поглядывала на Юй Цинцзе. От такой серии вопросов голова у него пошла кругом. Он быстро протянул руку, чтобы остановить Вэнь Ли:— Мне двадцать восемь лет, я с севера. По дороге сюда потерял багаж, остался без гроша, не знаю, чем себя занять.— О... — Услышав, что Юй Цинцзе нищий и к тому же такой старый, Вэнь Ли внезапно потерял интерес. Улыбка на его лице потускнела. Он повернулся к дедушке Чану и Чан Ле:— Папа, брат Ле, вам стоит еще раз подумать. Они очень довольны братом Ле, лучше него вы никого не найдете. Вот, кстати, подарок, который они сегодня принесли. — Вэнь Ли достал из-за пазухи небольшую деревянную шкатулку, поставил ее на стол, открыл, и внутри лежал серебряный браслет, завернутый в бархат. — Смотри, узор какой красивый, идеально подходит нашему брату Ле. Брат Ле, иди сюда, примерь его. Вэнь Ли схватил браслет и потянул Чан Ле за руку, чтобы надеть его. Но тот быстро вырвался, отступил назад и жестом подозвал Вэнь Ли к себе.— Ах, ты, дитя, все еще стесняешься, вечно отказываешься от предложений руки и сердца... — проворчал Вэнь Ли. Дедушка Чан, хмуро глядя на Вэнь Ли, сказал:— Какой брак! Разве Сяолэ не говорил, что не согласится? Ты просто продолжаешь играть в сватовство. Верить или нет, я тебе ноги переломлю! С этими словами дедушка Чан отправился искать в углу деревянную палку. Чан Ле и Чан Хао стояли неподвижно, а Юй Цинцзе, не желая стать свидетелем семейной драмы, незаметно отошел в сторону.— Эй, отец, что ты делаешь? Я же для блага брата Ле! Он такой старый, пора жениться... Ахх, не бейте людей, я ухожу! — Вэнь Ли крикнул и выбежал во двор, за ним побежал и маленький гер, поглядывая на Юй Цинцзе.— Подождите! — крикнул дедушка Чан. Вэнь Ли, подумав, что старик передумал, радостно повернулся.— Заберите это! — Дедушка Чан указал на пустую шкатулку на столе. Вэнь Ли поспешно вернулся и забрал ее, бормоча на ходу:— Отец, не будь таким упрямым... Он хотел еще что-то сказать, но дедушка Чан поднял палку и, пустившись в бегство, скрылся за углом. Вэнь Ли и гер выбежали из двора. Чан Ле шагнул вперед, взял палку у дедушки Чана и положил ее обратно в угол. Дедушка Чан вздохнул, повернулся к Юй Цинцзе и сказал:— Я позволил тебе увидеть, что такое семейные шутки. Юй Цинцзе покачал головой, не зная, что сказать. В каждой семье свои тайны, и ему не хотелось лезть в чужие дела.— Кстати, ты спрашивал старосту о регистрации домохозяйств? Что он сказал? — спросил дедушка Чан. Юй Цинцзе покачал головой:— Не так-то просто. Он сказал, что если я куплю один му земли в деревне, то смогу натурализоваться. Но один му стоит пятьдесят таэлей, мне нужно сначала заработать денег. Дедушка Чан, услышав эти слова, вздохнул и утешил его:— Не торопись, всегда найдется выход. Если не получится, купи где-нибудь в отдалении, там поля дешевле. Юй Цинцзе кивнул, повернулся и передал в руки Чан Ле и Чан Хао две деревянные доски, которые он попросил сделать у старосты из остатков леса.— Что это? — спросил Чан Хао, взяв доску. Доска была около фута в ширину и двух футов в длину, по краям были прибиты маленькие деревянные планки.— Это для вас, чтобы писать, — ответил Юй Цинцзе. Услышав, что это для них, Чан Ле и Чан Хао тут же заинтересовались. Они разглядывали доски, немного скептически. На них нельзя было стереть написанное, после нескольких слов они стали бы бесполезны. Юй Цинцзе, как будто прочитав их мысли, улыбнулся и сказал:— Я не хочу, чтобы вы писали по дереву. Положите внутрь песок или землю, и после того, как напишете пальцем, вы сможете разгладить его и продолжить писать. Лучше всего использовать мелкий песок, он удобный и чистый. Два брата мгновенно все поняли. Чан Хао радостно сказал Чан Ле:— Брат, мы пойдем к реке, наберем песка, и завтра в полдень вернемся! Недалеко от деревни протекала большая река Цинхэ, которая тянулась с запада на восток, до самого моря, разделяя Дашэн с

севера на юг. На лице Чан Ле появилась улыбка, он кивнул в знак согласия. Проснувшись рано утром следующего дня, Чан Хао увидел во дворе кучу песка, который уже подсыхал, а сам песок еще влажный, очевидно, брат только что привез его. Когда он вернулся домой в полдень, и песок высох, Чан Хао не мог дождаться, чтобы достать две деревянные дощечки, рассыпал песок внутри, а затем пальцами написал свое имя штрих за штрихом. Он выучил его два дня назад. — Брат Юй, смотри, я могу написать свое имя! — Чан Хао поднес деревянную дощечку к Юй Цинцзе, который собирал овощи, и спросил: — Как думаешь, я правильно написал? — Дайка я посмотрю, — Юй Цинцзе взглянул на слова, написанные молодым человеком. Они были немного неровными, форма не очень красивая, но все было написано правильно. Он вытянул большой палец и похвалил его: — Написано хорошо, это здорово! В последние два дня, когда у них было свободное время, братья писали и рисовали на земле. Юй Цинцзе заметил, что они уже освоили это. Чан Хао радостно поднял голову и спросил: — Мой брат тоже так умеет. Можешь ли ты сегодня научить нас новым иероглифам? Например, имя моего брата? — Да, — ответил Юй Цинцзе. После ужина Чан Хао радостно подбежал к Юй Цинцзе с деревянной доской и дровяной головешкой. Юй Цинцзе взял ручку, гм-м-м, дрова, и уже собирался писать, как вдруг подумал, что "ле" имеет традиционные китайские иероглифы, в отличие от "Чэнг" и "Хао", где традиционные и упрощенные иероглифы одинаковы. Он не мог больше терпеть. — Почему бы нам сначала не выучить имя дедушки? — спросил Юй Цинцзе, задержав взгляд на ожидающих глазах Чан Хао. — А когда я вернусь с работы, научу тебя имени твоего брата. Чан Хао ненадолго задумался. Имя дедушки тоже нужно было выучить. — Хорошо, — согласился он. — Тогда я смогу выучить три слова сегодня! Имя дедушки Чана — Чан Дашань — сочетало в себе простоту и традицию, что делало его идеальным для обучения. Юй Цинцзе с удовольствием написала на деревянной доске слово "Дашань", обозначив порядок ударений. — В имени дедушки так мало штрихов? — удивился Чан Хао. — "Дашань" — это всего шесть ударов вместе. Юй Цинцзе улыбнулась: — Да, потому что эти два иероглифа — пиктограммы. Как ты обычно жестикулируешь, когда говоришь о чем-то большом? — Вот так, — Чан Хао широко развел руки, изображая большой размер. — Смотри, — продолжила Юй Цинцзе, — если выпрямить руки и немного раздвинуть ноги, разве это не похоже на этот "большой" иероглиф? Чан Хао слегка расставил ноги, посмотрел на свое тело и затем на слово "большой" на деревянной доске. — Это то же самое! — воскликнул он, пораженный сходством. В этот момент в комнату вошла Дацзянь, зовя Юй Цинцзе: — Пиши хорошо, я выхожу. Юй Цинцзе с улыбкой погладила маленького мальчика по голове и вышла. Староста деревни пригласил мастера Сюцяя, который в это время пил чай в главной комнате. Членам семьи Юй староста велел оставаться в старом доме или на кухне. Юй Цинцзе впервые увидела мастера Сюцяя, Юй Цзяя. Он был худым, с лицом, заметно светлее, чем у других жителей деревни, но на нем, из-за постоянной работы в поле, была видна усталость. Староста деревни представил их друг другу. — Я видел мастера Сюцяя, — вежливо сказала Юй Цинцзе, разводя руки в приветствии. Юй Сюцяй слегка кивнул, не произнося ни слова. Все трое сели за стол. Мастер Сюцяй отставил чашку чая в сторону и достал из коробки рядом с собой четыре сокровища исследования, которые он один за другим выложил на стол. — Сначала расскажите мне конкретное содержание, изложите его четко, а затем я напишу его для вас, — произнес он. Староста деревни, приглашая мастера Сюцяя, вкратце объяснил суть дела, поэтому в основном он пересказывал, а Юй Цинцзе добавляла по сторонам. Юй Сюцяй время от времени задавал уточняющие вопросы. На составление договора о сотрудничестве в двух экземплярах ушло около часа. Содержание устраивало всех, они подписали свои имена, поставили отпечатки пальцев и заключили договор. После завершения подписания Юй Цинцзе с смущением попросила Юй Сюцяя написать для нее слово "счастливый", а также попросила его написать стихотворение, которое обычно используется здесь для просветительского образования. — Почему бы тебе не попробовать? — с любопытством спросил Юй Сюцяй. — Мой уровень ограничен, — объяснила Юй Цинцзе. — Хочу научить Чан Ле и Чан Хао читать и писать, но мне нужна помощь. Надеюсь, вы согласитесь. Услышав эти слова, Юй Сюцяй

вспомнил фигуру, которая постоянно выглядывала из-за школы. Он не стал задавать больше вопросов, взял ручку и написал стихотворение. Юй Цинцзе взяла его и посмотрела. На ее лице появилось удивление.— "Песнь гуся"! — воскликнула она. — Оно идеально подходит для обучения! Он не знала, что человека, написавшего эту поэму в этом мире, зовут Ло Бинван. С контрактом и "учебником" Юй Цинцзе вернулась домой, полная уверенности. Стихотворения должно было хватить, чтобы научить двух братьев. Он также могла изучать традиционные иероглифы. Когда она поедет в город, зайдет в книжный магазин, купит книгу и вернется, чтобы заняться самообразованием. Традиционные китайские иероглифы нелегко даются повару Ю, который знает только основы! Идеал слишком полон, а реальность слишком тоща. Традиционные иероглифы кажутся знакомыми, когда смотришь на них, но если не писать их часто, то хотя глаза всегда узнают их, но руки за ними не успевают. Юй Цинцзе с радостью пошла домой и научила двух братьев писать имя Чан Ле, и все трое были очень счастливы и довольны. Спустя еще два дня травма стопы Юй Цинцзе была залечена, и ей наконец-то не нужно было пользоваться "третьей ногой", хотя она была очень легкой. За последние два дня два оставшихся поля семьи Чан также были очищены, и осталось только посадить семена риса. Однако в это время дедушка Чан, к сожалению, заболел. Сначала он потерял аппетит и постоянно хотел пить воду. Позже у него начались головокружение и тошнота, а его лицо стало бледным.— Дедушка, почему бы тебе не поесть? — спросил Чан Хао, заметив, что его дедушка выпил только половину миски каши и остановился. — Эти кислые бобы очень аппетитные. Вчера в полдень Юй Цинцзе увидела, что каперсы готовы к употреблению, поэтому она пожарила миску и была очень хорошо принята остальными членами семьи. Хотя блюда Юй Цинцзе были очень вкусными, погода в середине лета была жаркая и влажная. Поскольку они продолжали упорно трудиться, их аппетит уменьшился. В то время как кислые бобы были замаринованы, эта небольшая закуска снова подняла аппетит, за исключением дедушки Чана, у которого аппетит не восстановился с самого утра. Чан Ле с беспокойством отложил столовые приборы и палочки для еды и спросил деда, не чувствует ли он дискомфорта.— Все в порядке, — сказал дедушка Чан, вытирая пот со лба. — Просто погода слишком жаркая. У меня нет аппетита, и лето горькое, разве так не было в прошлые годы, не волнуйся. Юй Цинцзе почувствовала, что вид дедушки Чана не совсем правильный, похоже, что он страдает от теплового удара, поэтому она попросила дедушку Чана узнать его симптомы и получила положительный ответ.— Ситуация с дедушкой не совсем правильная, — сказала Юй Цинцзе, обращаясь к Чан Ле. — Похоже, что он страдает от теплового удара. Нужно, чтобы врач пришел посмотреть. Услышав это, Чан Ле кивнул, сделал жест и попросил Чан Хао идти.— Эй, не волнуйся, я в порядке, — сказал дедушка Чан. — Не нужно просить доктора, Сяохао, возвращайся... Чан Хао быстро побежал на коротких ногах и в мгновение ока исчез за воротами двора. Юй Цинцзе попросила Чан Ле расстелить циновку и дать дедушке Чану лечь на землю. Он сходил на кухню за тазиком холодной воды, вернулась и дала Чан Ле влажной тряпкой вытереть пот с дедушки Чанга, чтобы охладить его. Затем она вернулась на кухню и приготовила для дедушки Чана стакан соленой воды. Старый Чан сидел на лавке, хмурясь, а внуки суетились вокруг него, пытаясь успокоить. — Все в порядке, все в порядке, — бормотал дедушка, стараясь не показывать, как его мучает жар. Вскоре приехал врач, пощупал пульс и покачал головой. — Тепловой удар, — констатировал он. — Вы, ребята, молодцы, что вовремя заметили. Давайте-ка я выпишу лекарства, а ему нужен отдых. Старый человек, а на улице жара такая, что и в поле погреться не выйдешь. Чан Ле, старший внук, кивнул, боясь даже намекнуть дедушке о возможности снова выйти на солнце. Доктор выписал рецепт, а затем, словно вспомнив о чем-то важном, спросил: — Есть ли у вас дома бобы мунг? Если да, то можно давать их с отваром жимолости, чтобы жар сбить. Чан Ле покачал головой. — Схожу, куплю, — пообещал он. Когда доктор уехал, Чан Хао, младший внук, отправился за лекарством, а Чан Ле — за бобами. Юй Цинцзе, который был в гостях у семьи Чан, принялся готовить лекарство для дедушки. К вечеру старику стало лучше, он выглядел бодрее. После того, как дедушка Чан уснул, Чан Ле с благодарностью посмотрел на Юй Цинцзе. — Спасибо тебе, — прошептал он. —

Если бы не ты, мы бы и не заметили, что дедушка болен. Следующие два дня Чан Ле разрешал дедушке ходить в поле только утром и вечером, когда солнце не так сильно палило. Днем же он спешил отвезти старика домой. Дедушка Чан сердился, но ругать внука не решался, и, вздохнув, возвращался в дом. К счастью, осталось всего два поля для посадки. С помощью Юй Цинцзе работа была завершена за два дня. — Наконец-то! — взревел Чан Хао, сбрасывая с себя груз накопившейся усталости. — Я измотан! Юй Цинцзе и Чан Ле рассмеялись, глядя на младшего брата. Действительно, работа была тяжелой, и даже Юй Цинцзе, несмотря на свою силу, чувствовал себя вымотанным. Хотя он и был ограничен травмой ноги, Чан Ле и остальные трудились без передышки. На следующий день все позволили себе выспаться, давая уставшим телам отдохнуть. Даже Чан Ле, который обычно вставал ни свет ни заря, проспал на полчаса дольше. После завтрака Юй Цинцзе обратился к Чан Ле: — Брат Ле, я хочу завтра съездить в город, не подбросишь? Чан Ле кивнул. — Я тоже еду в город, овощи продавать, — ответил он. Юй Цинцзе обрадовался. — Отлично! — воскликнул он. — Надо будет осмотреться, поискать какой-нибудь бизнес. — Я тоже поеду! — выкрикнул Чан Хао. — Брат, ты сегодня пойдешь рыбачить? Чан Ле кивнул. Каждый раз, когда он ехал продавать овощи, он заезжал к реке, чтобы поймать немного рыбы и продать ее вместе с овощами. Юй Цинцзе заинтересовался. — Рыбалка? — переспросил он, подняв брови. — Интересно.

<http://bllate.org/book/15392/1358254>